

*К интерпретации гоголевской антропонимики: традиции и
перспективы*

(на примере «Петербургских повестей»)

Данная работа продолжает традицию прочтения гоголевской антропонимики в легендарно-мифологической и религиозной ретроспективе¹. Цель настоящей статьи – изучение «семантической ауры» (В.Н.Топоров) имени в «Петербургских повестях» как ключевого звена в восстановлении истоков гоголевской антропологии.

По мысли В.Н.Топорова, «повторяемость имени в истории, особенно мифопоэтической, не случайность, а потребность и закономерность, обнаруживающая глубокий и тайный смысл. Здесь имя отсылает к традиции, к обычаю», к исходному назначению, «функции»². Так в именах гоголевских героев сокрыто «цельное, неразложенное бытие народа в его истории и в его ожидании грядущего», их родство, внутренняя связь с легендарно-мифологическими героями, имена которых они наследуют³.

Писатель наделяет своих персонажей очень сильными, звучными именами (Андрей («мужественный»), Платон («широкоплечий»), Авксентий («растущий»), Акакий («незлюбивый»)), которые, аккумулируя в себе легендарно-мифологический и проповеднический пафос, призваны сообщить человеку качества, некогда присущие тому святому и тому культурному герою, имя которого он носит. В выборе имени реализовалось стремление писателя запечатлеть «первые акты исторического самосознания нации», те «родовые качества», которые входят в историю народа вместе с легендарными личностями⁴. В этом, отмечает М.Н.Виролайнен, Гоголь наследует традиции раннего русского летописания, переосмысленные им в духе современной картины мира. Писатель хочет пробудить, окликнуть современного человека, напомнив ему о тех великих подвигах, деяниях, которые навсегда вошли в историю его народа.

Гоголь застаёт мир в состоянии глубокого кризиса, в состоянии катастрофы: «Казалось, что какой-то демон искрошил весь мир на множество разных кусков и все эти куски без смысла, без толку смешал вместе» (III, 24). На Русь снова пришло время, когда «наши души спасать надо». Обращаясь в письмах к друзьям с духовным напутствием, Гоголь призывает каждого духовно просвещенного человека к активным действиям, при этом укоризненно указывает, насколько губительно для русской земли бездействие каждого отдельного человека: «Но вы еще не наложили на себя ни разу никакого подвига, свидетельствовавшего бы ваше самопожертвование и любовь христианскую к брату, не предприняли дела во имя Бога, внутренне угодного Богу, без чего наши действия суть только оборонительные, а не наступательные. Вам предстоит теперь этот подвиг» (XII, 77).

В гоголевской антропологии основное значение отводится категориям «дела», «подвига», «места», «поприща». Говоря о наступательных действиях, писатель, думается, имеет в виду, прежде всего то, что истинному христианину предстоит попирать невежество толпы, дабы пробудить ото сна «богатырски» спящий нынешний век. Героический пафос гоголевской концепции человека восходит к былинам, сказаниям, преданиям, легендам, воинским повестям.

Главный герой воинской повести, отмечает современный исследователь, охарактеризован, прежде всего, через действие. «Это легендарный герой, не имеющий имени, названный по роду занятий (Кожемяка)»⁵. Данная особенность была по-своему осмыслена Гоголем и явилась основанием в именовании некоторых героев в «Петербургских повестях». Например, Ковалев, Башмачкин. Последнее имя, безусловно, дано в иронической, уничижительной форме, но, при этом, сохраняет в своей семантике причастность к делу.

Особый интерес представляет в этой связи фамилия Поприщин («Записки сумасшедшего»). В.В.Виноградов замечает, что в языке древнерусской письменности «поприще» – «место, которое топчут», «мера пути в полторы версты», «арена, место борьбы, ристалище»⁶. В словаре

В.И.Даля, «поприще» – «место, на котором подвизаются или действуют»⁷. В гоголевской антропологии поприще – это, прежде всего, акт личного духовного становления, возрастания (Авксентий – «растущий»), которое, при этом, невозможно вне подвига земного, подвига истинного христианина на благо родины, подвига воина, защитника земли Русской: «Монастырь Ваш – Россия! <...> ступайте подвизаться в ней. Она зовет теперь сынов своих еще крепче, нежели когда-либо прежде. Уже душа в ней болит, и раздается крик ее душевной болезни» (VIII, 301).

Гоголевское мировидение с его ощущением катастрофизма современного русского бытия и поисками путей его духовного преображения во многом созвучно морали средневекового сказителя, летописца: «необходимо предотвратить грозящую Русской земле катастрофу»⁸. Мирная, повседневная жизнь, по словам современного исследователя, «никогда не становится объектом изображения в русских летописях и воинских повестях». Человек же привлекает внимание древнерусского автора только «при исполнении им «общественной» функции в экстремальных для государства ситуациях»⁹. Героические темы и воинский элемент являются определяющими в летописной традиции Древней Руси, в которой к XIII – началу XIV в. происходит «соединение житийного и воинского начал»¹⁰.

Традиции древнерусского летописания в повествовании Гоголя определяют те высокие требования, которые писатель предъявляет к современному человеку, который, подобно герою средневековой летописи, жития, былины, воинской повести, попадая в кризисную, экстремальную ситуацию, бездействует, становясь проводником злого начала в мир.

Россия XIX века, по мысли Гоголя, переживает в одно и то же время и исторически назревшую, и во многом искусственную европеизацию, что и петровский Петербург. Писатель не принял поспешности, безоглядности, «искусственности» петровских преобразований и губительного отрыва европеизированной части нации от народа, его жизни, уклада, верований, обычаев предков: «Петр открыл ход русским в Европу. «Бери и забирай все

лучшее». Но русский народ невоздержан: он перешел границы всего и впал в крайность.<...> Позабыл, что Россия должна была развиваться из своего начала.<...> в голове русского человека произошло хаотическое смешение» (VII, 389).

В соответствии со средневековой традицией «чужое» суть «греховное», «недолжное». В гоголевском цикле чертами «чужого», «инишного», «греховного» места, где «сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем виде», наделяется сама петербургская действительность (III, 46). Только тот опасный враг, то зло, которое пришло на русскую землю, – не какое-то персонифицированное начало (Змей Горыныч, Царь Собака и т. д.), что типично для былинной традиции, и, при этом, не является историческим лицом, что характерно для воинской повести. Мир в «Петербургских повестях» охватило некое неперсонифицированное, всеобъемлющее зло, которое сводит людей с ума, губит человеческие души, разрушает в мире все связи и основания.

Летописец, решая проблему происхождения добра и зла, убежден, что «добрые и злые побуждения в сердце человека возникают не изнутри, но всегда от толчка извне», потому зло связано с некоторым внешним локализованным источником¹¹. Гоголь, напротив, источник зла видит в духовной немощи человека, который впустил в свою душу демонически-искусительное начало. Тогда порождением зла становится сам человек: «Хула на весь мир и отрицание изображалось само собой в чертах его (Чарткова – Е.К.)» (III, 115).

Имя в поэтике Гоголя призвано преобразовать человека, «пробудить от позорного сна» того «исполина, какой выходит только из Русской земли» (VIII, 280). В судьбе современного человека писатель прозревает «легендарно-мифологическую и религиозную модель кризисной судьбы»¹², прозревает ипостась легендарного защитника, устроителя земли Русской. В этой связи необыкновенно информативным представляется нам такой именной комплекс, как Платон Кузьмич Ковалев («Нос»).

Образ кузнеца, вступившего в сотрудничество с чертом, появляется уже в раннем творчестве писателя («Вечера на хуторе близ Диканьки») и

восходит к фольклорным, языческим источникам. В петербургском сборнике этот образ, на наш взгляд, связан с преданием о христианских покровителях кузнечного дела: о первокузнецах Кузьме и Демьяне (часто Кузьмодемьяне как едином персонаже). Наибольшее распространение этот легендарный сюжет получает в украинском фольклоре и впоследствии в сюжетах некоторых сказок, былин, в обрядовой поэзии.

На возможность подобного толкования имени гоголевского героя указывает не только его фамилия, но и, что важно, отчество. По сути, главный герой повести «Нос» майор Ковалев – из рода кузнецов (ковалей), потомок некоего кузнеца Кузьмы. Думается, что появление этого образа в повести не случайно, а вполне закономерно, исторически оправдано.

Общеизвестно, что в истории мифопоэтической кузнец – культурный герой, демиург. В общеславянской традиции божественная пара кузнецов или один кузнец (укр. «Божий коваль») выковали людям первый плуг и укротили змея, заставив его вспахать этим плугом землю. Традиционно этот миф относят к классу «космологических мифов о новом устройстве вселенной в результате победы над хтоническим деструктивным началом»¹³. Образ легендарного змееборца поддерживает также имя гоголевского героя: Платон – в переводе с древнегреческого «могучий», «широкоплечий».

При этом в повести Гоголя речь идет, прежде всего, о внутреннем, духовном змееборстве, о «духовном богатырстве» (В.Ш.Кривонос). Из глубин человеческой плоти вздымается легендарный герой, воин, защитник, мироустроитель, чтобы, поборов Змея, переустроить, перековать себя и весь мир.

В обращении к образу Божьего коваля, на наш взгляд, есть в гоголевской повести еще одно важное основание, скрыто еще одно сообщение автора. В.Н.Топоров подчеркивает, что кузнечное ремесло не только связано со сферой чудесного, но и «некогда соотносилось с технологией поэтического творчества» (отсюда образ поэта-делателя, поэта-кузнеца, выковывающего свое слово). В былинах же и скоморошинах Кузьма и Демьян «покровительствуют

скоморохам и предводительствуют ими»¹⁴. Поэтому мы видим в этом гоголевском приеме намек на то, что истинным миро-строителем, Божьим ковалем, кудесником является писатель.

В легенде о первокузнецах в этой связи весьма показательным является мотив вспахивания земли плугом, в который запряжен Змей. Данный образ выражает амбивалентное отношение к демоническому началу, которое, формируя особое мировидение писателя и поэтику гоголевской повести, наделяется не только разрушительной, но и мощной созидательной энергетикой. Входя с этим началом в мир, врезаясь в него, испытывая человека, Гоголь, подобно Божьему ковалю -- миростроителю, вздымает почву, обнажает корни, разламывает земную плоть, разрушает, чтобы пересоздать. Темное, страшное, по мысли писателя, способно даровать тот «прекрасный испуг», который просветлит, преобразует человека.

Гоголь неоднократно признавался, как много душевных сил он отдавал, вступая в битву со злом, с демоническим началом, которое обуревало его через слабости и недостатки. Он, как легендарный кузнец, держащий Змея раскаленными клещами за язык, укрощает Змея сначала в себе самом.

Змееборческий сюжет в «Петербургских повестях» продолжает образ художника Андрея Петровича Чарткова («Портрет»), образ нераскаявшейся, грешной, страдающей души, «отпадшего ангела». Небесными покровителями этого героя, согласно православной традиции именования по святым, являются святые апостолы Андрей и Петр. Имя гоголевского героя будто спорит с его фамилией (Чартков – «чара», «ворожба»). Подобная особенность именования, думается, отражает не только душевные муки, которые переживает герой повести, но и в целом определяет пути развития, которые может избрать для себя человек: путь праведника или богоотступника.

В соответствии с духовной традицией на Руси, апостол Андрей – первозванный, первый ко Христу человек, Петр – «покаянию образ», «герой змееборец, спаситель Отечества»¹⁵. С образами святых апостолов связаны идеи смирения гордости, покаяния, любви к Христу. Столь высокодуховное имя,

которое Чартков, не сумевший укротить в себе Змея, осквернил своим грехом, призвано, между тем, просветлить его и покровительствовать ему. Так, согласно народным поверьям, апостол Петр защищает дом от нечистой силы, исцеляет людей от укуса змеи, а святой Андрей Юродивый считается целителем лишенных ума.¹⁶ Охранительной функцией, на наш взгляд, наделяются и другие имена гоголевских героев.

Христианские угодники, чудотворцы и бессребреники Кузьма и Демьян, к примеру, известны как помощники и целители. Они защищают людей от сглаза, болезней, от нечистых духов. Также в связи с неожиданно счастливым разрешением злоключений майора Ковалева интересным представляется тот факт, что мученик Платон в русских заговорах призван исцелить человека от кровотечения из ран, с этим образом связан мотив зашивания раны.

Имена героев в гоголевском повествовании обладают чудотворной силой, несут в себе созидательную, очистительную энергию и призваны стать защитниками, незримыми покровителями человека. Отсюда столь бережное обращение с именем в повестях Гоголя. Имена персонажей фактически остаются сокрытыми и упоминаются только в редких случаях, причем чаще в каких-то письменных источниках (в газете, в письме, в дневнике).

Согласно русской духовной традиции, «праведное поведение в неправедном месте воспринимается как кощунственное, греховное»¹⁷. Произнести имя святого в греховном, богооставленном месте, какой предстает в повестях петербургская действительность, значит предать его поруганию и осквернению. Думается, писатель руководствовался именно этим принципом, скрывая или вовсе утаивая имя, как в истории святого монаха-иконописца во второй редакции повести «Портрет». Неназванность или безымянность часто связана в гоголевском повествовании с тем, что герой недостойн своего имени, поскольку «затемнил» образ, который ему именем предпослан.

В «Петербургских повестях», по сути, реализуется ситуация сюжета в сюжете, поскольку современный сюжет, современный частный случай

представлен в виде своеобразного оттиска на одном из вечных, универсальных сюжетов из истории духовного становления человечества. Одним из способов объективации параллельной, скрытой сюжетной линии в повествовании является, на наш взгляд, имя гоголевского героя. Судьба «героя эпохи творения» (В.Н.Топоров) и судьба современного человека, разойдясь, разомкнувшись в веках, вновь соединяются в точке имени. Тем самым, писатель, сознавая необходимость восстановления в современном мире родовых, духовных связей, призывает современного человека к «поновлению» и, вместе, к «одревлению». По мысли А.М.Панченко, в «обновлении» человека, в соответствии с древнерусской традицией, реализуется его попытка и стремление приблизиться к идеалу. Человек в мире «тезоименен» некоему святому и, по сути, становится «новым» воплощением его сути¹⁸.

Обращаясь на уровне антропонимики к легендарному змееборческому сюжету и сюжету, традиционному для воинской повести, жития, былины, Гоголь обращается к истокам человеческого рода, дабы просветлить современного человека, указать на его истоки, на его родство с героическим прошлым своего народа и на его «место», «поприще» в современной истории России.

¹ Отправной точкой в исследовании легендарно-мифологических и проповеднических оснований гоголевской антропонимики является для нас статья С.А.Гончарова и А.Х.Гольденберга, в которой восстановлен обширный легендарный контекст, связанный с именем Павла Чичикова.

Гончаров С.А., Гольденберг, А.Х. Павел Чичиков: судьба героя в легендарно-мифологической ретроспективе // *Имя – сюжет – миф: межвуз. сб.* / под ред. Н.М.Герасимовой. СПб., 1996.

² *Топоров В.Н.* К интерпретации былины «Путешествие Вавилы со скоморохами»: мифологические истоки и историческая подкладка // *Имя: семантическая аура* / отв. ред. Т.М.Николаева. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 112.

³ *Михайлов А.В.* Обратный перевод. М.: Языки русской культуры, 2000. С.346.

⁴ *Виротайнен М.Н.* Ранний Гоголь: катастрофизм сознания // *Гоголь как явление мировой литературы: сб. ст.* / под ред. Ю.В.Манна. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С.9.

⁵ *Трофимова Н.В.* Древнерусская литература. Воинская повесть XI-XVII в.в. М.: «Флинта», 2000. С. 19.

⁶ *Виноградов В.В.* История слов / отв. ред. Н.Ю.Шведова. М.: Институт русского языка им. В.В.Виноградова, 1999. С.516.

⁷ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: «Русский язык», 1981. Т.3. С. 306.

⁸ *Еремин И.П.* Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М.: «Наука», 1966. С. 59.

⁹ *Мелихов М.В.* Древнерусские воинские повести: проблема сюжетосложения и идейно-художественной трансформации жанра в литературной рукописной традиции XV-XVIII в.в.: дис. ... д-ра филол. наук. Сыктывкар, 2003. С. 107.

¹⁰ *Трофимова Н.В.* Указ. соч. С.113.

¹¹ *Еремин И.П.* Указ. соч. С. 67.

¹² *Гончаров С.А., Гольденберг А.Х.* Указ. соч. С.73.

¹³ *Топоров В.Н.* Указ. соч. С.92.

¹⁴ *Топоров В.Н.* Указ соч. С. 91, 104.

¹⁵ *Демкова Н.С.* К интерпретации «Повести о Петре и Февронии». «Повесть о Петре и Февронии» как притча // *Имя – сюжет – миф: межвуз. сб. / под ред. Н.М.Герасимовой.* СПб., 1994. С. 12, 7.

¹⁶ *Юдин А.В.* Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. [Электрон. ресурс] Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/judin1.htm>

¹⁷ *Успенский Б.А., Лотман Ю.М.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // *Б.А.Успенский Избранные труды: В 3 т. М.: Языки славянских культур, 1997. Т. 1. С.347*

¹⁸ *Панченко А.М.* История и вечность в системе русского барокко // *ТОДРЛ т. XXXIV Л.,1979. С. 192.*